

ческих проблем, как, например, культурная интеграция города и села, консолидационные культурно-бытовые процессы в современных условиях, роль этнических и межэтнических (общесоветских, интернациональных) форм в складывании современного фонда бытовой культуры народа.

И. С. Кон

МАТЕРИНСТВО И ОТЦОВСТВО В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Вопрос о природе и характере родительских чувств и отношений вызывает сейчас острые споры. Консервативно настроенные писатели и публицисты считают единственным спасением от разводов, безотцовщины и прочих отрицательных явлений возврат к «естественным», «традиционным» формам семейного быта, рисующимся в розовом, идеализированном свете. Но сразу возникает несколько вопросов. Существует ли универсальная биологическая или культурно-нормативная модель родительского поведения, общая для всех времен и народов? Является ли родительство биологическим, социокультурным или биосоциальным феноменом, и как взаимосвязаны его разноуровневые компоненты и детерминанты? От чего зависит специфика отцовских и материнских функций? Каково место родителей в ряду других агентов социализации, и как оно изменяется в зависимости от социальных условий, хозяйственной деятельности, структуры семьи и т. п.?

Эта проблематика занимает важное место в науках о человеке, включая этнографию. Достаточно сослаться на материалы III Конгресса Международного общества этнологии и фольклора Европы (Цюрих, 9—12 апреля 1987 г.) или на отечественные исследования по этнографии семьи и детства. Однако чтобы поставить вопросы конкретно, необходимо уточнить предмет обсуждения. Имеем ли мы в виду безотчетные, спонтанные родительские *чувства* — любовь к детям, чадолюбие? Или более или менее осознанные родительские *ценности*, социальные установки, выражающие отношение родителей к детям? Или *социальные роли* отца и матери? Или культурные *символы* отцовства и материнства? Или, наконец, реальный *стиль взаимоотношений* родителей и детей в данном конкретном обществе? В историко-этнографической литературе эти вопросы обычно не разграничиваются, между тем они не только различны, но и предполагают разные системы отсчета.

Не менее важно уточнение социально-исторических рамок обсуждения предмета. В конкретных исследованиях речь идет, как правило, об отдельно взятом социуме в определенный период времени («токугавская Япония» или «Россия первой половины XVIII в.»). Но любое сравнение предполагает выход за эти рамки. «Современные» отношения воспринимаются и оцениваются в сопоставлении со старыми, «традиционными». Однако широко употребляемое в исторической социологии понятие «традиционное общество» многозначно. В одном случае имеется в виду доиндустриальное, сельское, неурбанизованное, докапиталистическое общество, «старый режим» Токвиля. В другом случае «традиционными формами» называют вообще все старое, историческое, привычное, укорененное в прошлом данного народа в противоположность современному, новому, возникшему недавно или привнесенному извне. В третьем случае имеется в виду собственно традиция как особый способ передачи социальной информации.

Настоящая статья не претендует на то, чтобы дать какую-то содержательную модель истории или этнографии родительства. Я хочу только

схематично и заостренно поставить некоторые вопросы, имеющие междисциплинарный характер.

Начать придется с биологии. Хотя родительская забота о потомстве имеет свои биологические предпосылки, она существенно различна у разных видов. Общий стиль, образец родительского ухода генетически запрограммирован и варьирует от одного вида к другому, причем его свойства различают биологические виды друг от друга столь же надежно, как анатомические признаки. Важную роль играют при этом экологические условия.

Согласно представлениям современной популяционной биологии¹, если условия среды, в которой обитает данный вид, устойчивы и предсказуемы, K — отбор преобладает над r — отбором², в результате чего возникает ряд демографических следствий, благоприятствующих усиленно родительской заботы о потомстве. Такие животные дольше живут, сильнее увеличиваются в размерах и производят потомство через определенные временные интервалы, а не всех сразу (итеропария, от латин. *itero* — повторять и *pario* — рожать, производить). Если место обитания вида жестко структурировано (например, коралловый риф в противоположность открытому морю), животные будут занимать некоторое «домашнее» пространство, территорию или по крайней мере периодически возвращаться в определенные места для кормления и в поисках убежища (филопатрия — букв. любовь к родине). В обоих случаях адаптивным будет рождение относительно малого числа потомков, для выживания которых необходимы повышенное внимание и забота на ранних стадиях развития. Виды, осваивающие новую, грудную для выживания среду, также вырабатывают специфические способы самозащиты, включая особую заботу о потомстве в период его максимальной ранимости. Специализация на таких видах пищи, которые трудно находить, использовать или охранять от конкурентов, иногда дополняется территориальным поведением и усиленной защитой пищевых ресурсов в период выращивания потомства; некоторые виды позвоночных специально обучают своих потомков технике собирательства. Охота, хищнический образ жизни также может требовать увеличения родительского вклада для защиты жизни потомства. Эти четыре средовые фактора: стабильная, структурированная среда, способствующая K -отбору; трудные жизненные условия; сравнительно узкая пищевая специализация и, наконец, охотничий образ жизни — могут по отдельности и в сочетании друг с другом благоприятствовать усилению родительской заботы.

Видовая «семейная» структура, с которой связана дифференциация отцовских и материнских функций, также имеет экологические предпосылки. В частности, переход от полигамии, преобладающей у большинства видов, к моногамии, т. е. устойчивому брачному союзу самца и самки хотя бы на срок выращивания одного выводка³, обусловлен, по мнению Э. Уилсона⁴, природными условиями, когда одна самка без помощи самца не может вырастить потомство (скудость пищевых ресурсов, необходимость охраны территории от врагов, длительность периода, когда дети беспомощны и требуют постоянной материнской опеки, не оставляя самке времени и сил для других аспектов жизне-

¹ См. *Wilson E. O. Sociobiology. Cambr. (Mass.), 1975. Ch. 16; Trivers P. L. Parental Investment and Sexual Selection//Sexual Selection and the Descent of Man. 1871—1971. Chicago, 1972. P. 136—179.*

² K -отбор (K — несущая способность среды) — тип естественного отбора, характерный для видов, живущих в стабильной среде обитания, которая позволяет поддерживать более или менее устойчивый численный уровень популяции, он отличается от r -отбора, характеризующегося ее постоянным ростом.

³ Различия между животными в этом отношении огромны. По мнению Э. Уилсона, у беспозвоночных на 10 тысяч «полигамных» видов приходится меньше одного «моногамного» вида, тогда как среди птиц сезонная «моногамия» существует приблизительно у 91% всех видов.

⁴ *Wilson E. O. Op. cit. P. 330.* Следует иметь в виду, что понятие «моногамия» означает в биологии совсем не то, что в общественных науках.

обеспечения, и т. п.). Там, где родительские обязанности выполняет исключительно самка, а «отцовства» не существует, необходимость в длительном брачном союзе отпадает.

Но как ни существенны филогенетические предпосылки родительского поведения, эволюционная биология сама по себе не объясняет его мотивации и институционализации у человека. Сравнительно-исторические данные убедительно показывают, что наши житейские представления на сей счет вовсе не являются универсальными, а родительская любовь, как мы сегодня ее понимаем, — продукт длительного и весьма противоречивого исторического развития.

На ранних стадиях развития человеческого общества индивидуальное родительство большей частью не институционализировалось, уход за детьми и их воспитание были делом всей родовой общины. Хотя старая идея первобытной «общности детей» не подтверждается фактами (индивидуальное родительство существует уже у австралийских аборигенов), во всех традиционных обществах родственники и соседи занимают чужими детьми несравненно больше, чем в обществах индустриальных. Во многих обществах Полинезии родительские функции и поныне, как правило, распределяются между широким кругом родственников, а детей приучают считать себя принадлежащими к группе как целому. Возникновение и поддержание индивидуальной привязанности между ребенком и его биологическими родителями в таких условиях весьма затруднительно⁵.

В отечественной демографии широкое распространение приобрела идея о наличии у человека особой «потребности в родительстве», «в отцовстве», «в материнстве» или просто «потребности в детях». Но, как справедливо заметил А. Г. Вишневский⁶, эта потребность трактуется по-разному и часто внеисторически.

Отвлекаясь от межкультурных различий, нельзя не заметить, что в традиционных доиндустриальных обществах существовал ряд общих условий, затруднявших формирование устойчивой и тесной эмоциональной близости между родителями и детьми.

Высокая рождаемость и столь же высокая детская смертность делали жизнь отдельного ребенка в глазах родителей далеко не такой ценной, как сегодня. Отношение архаического общества к детям, особенно маленьким, обычно двойственно, амбивалентно. С одной стороны, его культурные нормы требуют внимания и заботы о детях, с другой — отражают низкую оценку социальной значимости отдельного ребенка (инфантицид, различная оценка ценности жизни ребенка и взрослого и т. п.⁷) Такое двойственное отношение, подкрепленное религиозным фатализмом («Бог дал, Бог и взял»), сохранялось в крестьянской среде очень долго. Дело не в «бесчувствии» родителей, а в том, что рождение детей, которое вовсе не было актом свободного, сознательного выбора, сплошь и рядом усиливало материальные тяготы семьи. Да и как иначе они могли бы психологически вынести неизбежную в тех условиях высокую детскую смертность? И нормативные установки, и реальное отношение родителей сильно зависели от пола ребенка.

У многих народов непосредственные контакты детей и родителей ограничивал институт воспитательства (*Vormundschaft*; *Fosterage*; *tutelle*) — обычай обязательного воспитания детей вне родной семьи, имевший широкое распространение в доклассовом и раннеклассовом обществе. Происхождение и функции воспитательства объясняются по-разному. Одни авторы связывают его с принятым при авункулате порядком перехода ребенка в семью матрилинейного дяди. Другие видят в нем форму искусственного родства, с помощью которой в разла-

⁵ См.: *Ortner S. B. Gender and Sexuality in Hierarchical Societies. The Case of Polynesia and Some Comparative Implications//Sexual Meanings. Cambr.; L.; N. Y., 1981. P. 358—409.*

⁶ *Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982.*

⁷ См., например, *Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннеклассовом обществе. М., 1987. С. 84—92.*

гавшемся первобытном обществе стали восполнять уже недостаточные кровно-родственные связи и устанавливать тесные отношения между желавшими породниться семьями⁸. Широкое распространение воспитательство получило в среде феодализировавшейся и раннефеодальной знати.

В советской этнографии воспитательство лучше всего описано на примере кавказского аталычества. Ребенок, с раннего детства (если не с рождения) выраставший в чужой семье, был психологически гораздо ближе к ней, чем к собственным родителям, а последние в свою очередь не могли чувствовать к нему ту привязанность, которая создается лишь годами повседневного интимного контакта. Их взаимоотношения регулировались не столько индивидуальными чувствами, сколько социальными нормами, сознанием долга, родственных обязанностей и правил этикета.

Сама ролевая структура патриархальной семьи была жесткой и иерархической, основанной на принципе старшинства. Детям в ней отводилось сугубо зависимое, подчиненное положение. Вот, например, как описывает взаимоотношения детей и родителей в русской семье XVI—XVII вв. Н. И. Костомаров: «Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложною святостью патриархальных отношений... Покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходила в слепой деспотизм без нравственной силы. Чем благочестивее был родитель, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже... Слова почитались недостаточными, как бы убедительны они ни были... Домострой запрещает даже смеяться и играть с ребенком»⁹.

По русскому законодательству XVII в., дети не имели права жаловаться на родителей. Детей, покусившихся на жизнь родителей, надлежало казнить «безо всякие пощады». Если же «отец или мать сына или дочь убьет до смерти, и их за то посадити в тюрьму на год»¹⁰. Уравнение кары за отце- и детоубийство было осуществлено только Петром I. Хотя семейные нравы в XVIII в. заметно смягчились, мемуарная литература первой половины XVIII в. пестрит воспоминаниями о побоях, издевательствах, родительском произволе и т. д. Разумеется, нужно различать: а) нормативные установки и б) реальное поведение, причем, и то, и другое было противоречивым и социально-дифференцированным; в быту это дополнялось индивидуальными различиями.

Столь же суровым было отношение к детям в средневековой Западной Европе (Англии, Франции). Хотя в XV—XVI вв. внимание к детям заметно возросло, это означало в первую очередь усиление требовательности и строгости, а отнюдь не снисходительности и любви. Теологи говорят исключительно об обязанностях детей по отношению к родителям, прежде всего к отцу, и ни слова о родительских обязанностях. Автор популярного во Франции первой половины XVII в. трактата по моральной теологии писал, что если отец и сын некоего человека окажутся в одинаково бедственном положении, он должен в первую оче-

⁸ См. *Периц А. И., Трайде Б.* Воспитательство//Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 38—39; *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967; *его же.* Аталычество//IX МКАЭН. Доклады советской делегации. М., 1973; *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М., 1983; *Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев.* Нальчик, 1986 (Гл. V и др.).

⁹ *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях//Исторические монографии и исследования. Т. 19. СПб., 1887. С. 155.

¹⁰ Соборное уложение 1649 г. Гл. XXII. Ст. 1, 3//Памятники русского права. Вып. 6. М., 1957. С. 430. Подробнее об отношении детей и родителей см.: *Вишневский А. Г.* Место исторического знания в изучении прокреативного поведения в СССР//Второй советско-французский демографический семинар. Суздаль. 15—19 сентября 1986. М. 1986; *Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 81—122; См. также *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в.//Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 83—104.

редь помочь отцу, потому что получил от своих родителей гораздо больше, чем от детей¹¹.

Монтень, посвятивший родительской любви специальную главу «Опытов» и выступавший за смягчение семейных нравов, признается, что «не особенно любил», чтобы его собственных детей «выхаживали» рядом с ним, и довольно спокойно пишет о смерти «двоих или троих» своих детей¹².

Достаточно равнодушно относились к детям и матери из среды аристократии, чему способствовал обычай отдавать младенцев на выкармливание в чужие семьи, а затем воспитывать детей в закрытых пансионах, монастырях и школах. Князь Талейран, родившийся в 1754 г., писал, что «родительские заботы еще не вошли тогда в моду... В знатных семьях любили гораздо больше род, чем отдельных лиц, особенно молодых, которые еще были неизвестны»¹³, а Руссо с грустью констатировал, что «нет интимности между родными»¹⁴. Сам Талейран был отдан кормилице сразу же после крещения, состоявшегося в день его рождения, и в течение четырех лет мать ни разу не навестила его, не поинтересовалась делами сына.

Что же до бедняков, то они просто не могли выходить многочисленное потомство. По данным Ф. Лебрена¹⁵, во Франции XVIII в. из 1000 новорожденных до 1 года доживали 720, до 5 — 574 и до 10 лет — 525 детей. Особенно тяжелым было положение детей, отданных на воспитание в приют или подкинутых. Число подкидышей резко увеличилось в XVIII в. По подсчетам Ф. Лебрена, среднее ежегодное число подкидышей в Париже в 1773—1790 гг. составляло 5800 на общее число 20—25 тысяч рождений!

Даже в конце XVIII — начале XIX в., когда детоцентристская ориентация прочно утвердилась в общественном сознании, сделав родительскую любовь одной из главных нравственных ценностей, «буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми»¹⁶ нужно воспринимать критически.

Родительские чувства, роли и поведение, каковы бы ни были их «естественные» предпосылки, по своей сущности являются социокультурными и требуют конкретно-исторического исследования, что несомненно с пошлым морализированием на тему об «извращении естественных норм» родительства в одну историческую эпоху и об их «возрождении» или «очищении» в другой.

До сих пор о родительских чувствах и поведении говорилось «вообще». Но фактически мы имеем дело с двумя разными социальными институтами — отцовством и материнством. В чем же состоят, чем определяются, мотивируются и обосновываются их специфические функции?

Соотношение отцовства и материнства — один из аспектов более общей полоролевой дифференциации, имеющей не только социальные, но и биологические предпосылки. Поскольку речь идет о продолжении рода, логично предположить, что роль биологических факторов здесь значительно выше, чем во многих других сферах полового разделения труда, не связанных с репродуктивной функцией. Традиционная модель половой стратификации, подчеркивающая имманентную «инструментальность» мужского и «экспрессивность» женского поведения, покоилась в первую очередь именно на разделении внесемейных и внутрисемейных, а также отцовских и материнских функций. Биосоциальный подход, если формулировать его достаточно осторожно, как это делает из-

¹¹ См.: *Flandrin J.-L. Familles. Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société.* P., 1976.

¹² *Монтень М. Опыты.* Кн. 2. Гл. VIII. М., 1958. С. 69.

¹³ *Талейран. Мемуары.* М., 1959. С. 89.

¹⁴ *Руссо Ж.-Ж. Эмил, или о воспитании*//Педагогические сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1981. С. 40.

¹⁵ См. *Lebrun F. La vie conjugale sous l'Ancien Régime.* P., 1975. P. 139—155.

¹⁶ *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 443.*

вестный американский социолог А. Росси¹⁷, кажется в данном случае более плодотворным, нежели чисто социологический.

В свете общей логики полового диморфизма генетическая функция самца заключается в том, чтобы оплодотворить как можно больше самок, передав свои гены потомству; тогда как самка обеспечивает не только рождение, но и сохранение потомства. Поскольку выкармливание и уход за маленькими детьми повсеместно составляют обязанность женщины, не только биологи, но и многие социологи и психологи признают биологические детерминанты материнства¹⁸.

Женщина больше мужчины вовлечена в репродуктивный процесс. В мужском жизненном цикле нет аналога такому событию, как роды, хотя некоторые культуры создают его искусственно (кувада). Кроме того, мать значительно теснее отца связана со своим ребенком. Этот контакт, имеющий первоначально характер симбиоза, возникает уже в утробной фазе развития и закрепляется в дальнейшем. Имманентная экспрессивность материнской роли подтверждается и психологически¹⁹. Женщины в среднем чувствительнее и эмоционально восприимчивее мужчин. Они во всех возрастах превосходят мужчин по способности к сопереживанию и самораскрытию. Личные отношения для женщин важнее формальных правил, что отражается даже в структуре морального сознания: у мужчин рассуждения и оценки выглядят более безличными и жесткими, чем у женщин. При оценке человеческих качеств для женщин наиболее значимы свойства, проявляющиеся в отношении к другим людям, а для мужчин — деловые качества, связанные с работой. Люди, нуждающиеся в эмоциональной поддержке, значительно чаще ищут и находят ее у женщин, нежели у мужчин, и т. д.

Однако следует подчеркнуть, что эти половые различия относительны, индивидуально-вариабельны и нежность у женщин не обязательно направлена на ребенка. Поэтому серьезные психологи, антропологи и социологи весьма скептически относятся к попыткам объяснить материнское поведение исключительно «материнским инстинктом».

В привычной нам культурной среде материнство — одна из главных ипостасей женского образа; социальные характеристики материнской роли очерчены гораздо определеннее, чем отцовской, и матери приписывается большее значение в деле социализации ребенка. Но так было не всегда и не везде.

В фольклоре некоторых простейших обществ Австралии, Америки, Азии и Африки темы материнства и репродуктивности не занимают того центрального места в образе женщины, какое мы привыкли ожидать. Противопоставление женщины-матери, воплощения плодородия и источника жизни, и агрессивного мужчины-охотника нехарактерно для культур, в которых обоим полам приписываются и репродуктивные, и социально-производственные функции²⁰.

В иерархических обществах Полинезии отцовская роль, ассоциирующаяся с властью и статусом вождя, структурируется и символизируется детальнее и тщательнее, нежели материнская; рождение ребенка здесь зачастую не ритуализовано и не дает женщине особого престижа, генеалогические и личные связи ребенка с отцом выглядят социально более значимыми, хотя психологически более напряженными, чем отношения с матерью²¹.

¹⁷ См. Rossi A. S. A Biosocial Perspective on Parenting//Daedalus. V. 106. Spring, 1977. P. 1—32. Cp. Parenting: Its Causes and Consequences/Ed. Hoffman L. W., Gandelman R., Schiffman H. R. Hillsdale, 1982.

¹⁸ См.: Ford D. M., Lamb M. E. Sex Differences in Responsiveness to Infants: A Developmental Study of Psychophysiological and Behavioral Responses//Child Development. 1978. V. 49. P. 1182—1188; The Psychobiology of Sex Differences and Sex Roles/Ed. Parsons J. E. Washington, 1980; Rossi A. S. Op. cit.; eadem. Gender and Parenthood//American Sociological Review. 1984. V. 49. № 1. P. 1—19.

¹⁹ Краткий обзор данных см. Кон И. С. Дружба. М., 1987 (гл. 9).

²⁰ См.: Collier J. F., Rosaldo M. Z. Politics and Gender in Simple Societies//Sexual Meanings. P. 275—329.

²¹ См. Ortner S. B. Op. cit.

Теоретическая интерпретация этих фактов, как и вообще полового символизма, репродуктивных табу и подобных им явлений, остается спорной. Свидетельствует ли ритуально-символическое возвеличение материнства о повышении социального статуса женщин или, напротив, об ограничении их социальных возможностей функцией продолжения рода? Считать ли нормативную неопределенность отцовской роли по сравнению с материнской следствием того, что отцовство, как и прочие мужские характеристики, является немаркированной категорией, отражая социальное господство мужчины, или результатом того, что отцовские функции «объективно» менее значимы и их трудно сколько-нибудь четко описать? Этнографические теории на сей счет столь же противоречивы, как и эмпирические данные.

Различие и фактическое содержание отцовских и материнских ролей тесно связаны как с общим половым символизмом, включая космогонические представления и образы прародителей (является ли первопредок женщиной, мужчиной или андрогинным, двуполым существом), так и с половой стратификацией, включая дифференциацию супружеских ролей (статусы матери и отца невозможно понять отдельно от статусов жены и мужа). Слабость биологических теорий родительства — в их чрезмерной абстрактности. Для сторонников таких концепций «проблема состоит в том, насколько легко им удается связать разрозненные факты, касающиеся пола, с общими положениями биологии. Открыв такие предположительно универсальные факты, как брак и материнство, они упустили из виду качественные различия в социальном контексте в смысле того, что является, разумеется, социальными связями. Отправляясь от функциональной логики пола и репродуктивного поведения, они сочли вопрос о социальном использовании этих явлений вторичным и поэтому не исследовали способов, которыми социальный порядок обуславливает взаимоотношения женщин и мужчин»²².

Серьезные споры вызывает и эволюция материнских чувств в новое время: как и в связи с чем возникают идеалы детоцентризма, как взаимодействуют нормативные ориентации культуры и индивидуальные различия в поведении и установках женщин²³.

Еще проблематичнее институт отцовства. Хотя в последние годы ему посвящается все больше работ²⁴, этнографы, социологи и психологи единодушны в том, что мы знаем о нем очень мало достоверного. Если материнство у большинства животных предполагает не только зачатие и рождение, но и выкармливание и выращивание потомства, то отцовский вклад у многих биологических видов практически ограничивается оплодотворением. У высших животных (если самцы вообще участвуют в выращивании потомства) матери обычно осуществляют физический уход и выхаживание детенышей, а отцы — защиту от внешних опасностей и в той или иной степени жизнеобеспечение. Однако это правило не является всеобщим; даже у разных видов обезьян отцовские функции и поведение существенно различны²⁵.

У человека, считают антропологи М. Уэст и М. Коннер, стиль отцовства зависит от множества конкретных социокультурных условий, включая: число жен и детей, которых имеет и за которых ответствен отец; степень его власти над ними; количество времени, проводимого им совместно с женами и детьми, и качество этих контактов; осуществляет ли он непосредственный уход за детьми; насколько он ответствен за не-

²² См. Collier J. F., Rosaldo M. Z. Op. cit. P. 316.

²³ Badinter E. L'Amour en plus. Histoire de l'amour maternel (XVIIe-XXe siècle). P., 1980; La Mortalité des enfants dans le monde et dans l'histoire. P., 1980; Zur Sozialgeschichte der Kindheit/Hrsg. von Martin J. und Nitsche A. Freiberg — München, 1986.

²⁴ См.: The Family Coordinator. 1976. V. 25. № 4; Special Issue: Fatherhood; The Role of the Father in Child Development/Ed. Lamb M. E. N. Y.; L., 1976 (2-nd, rev. ed.—1981); Fatherhood and Family Policy/Ed. Lamb M. E. and Sagi A. Hillsdale, 1983.

²⁵ См. West M. M., Konner M. J. The Role of the Father: An Anthropological Perspective//The Role of the Father in Child Development. P. 187; cp.: Redican W. K. Adult Male-Infant Interactions in Non-Human Primates//Ibid. P. 345—385.

посредственное или опосредованное обучение детей определенным навыкам и ценностям; какова степень его участия в ритуальных событиях, связанных с детьми; сколько он трудится для жизнеобеспечения семьи; сколько ему приходится бороться для защиты интересов или увеличения ресурсов семьи.

Соотношение и значимость этих факторов зависят от целого ряда условий: преобладающего вида хозяйственной деятельности, полового разделения труда, семейной среды, типа семьи и т. д. При всех межкультурных различиях первичный уход за маленькими детьми, особенно младенцами, всюду осуществляет мать или какая-либо другая женщина — тетка, старшая сестра и т. п. Физический контакт отцов с маленькими детьми в большинстве традиционных обществ незначителен; он увеличивается в многоамных семьях и с возрастом ребенка. У многих народов существуют строгие правила избегания, ограничивающие контакты между отцом и детьми, что делает их взаимоотношения чрезвычайно сдержанными и суровыми, исключая проявления нежности. Там, где подобных запретов нет, отцовское поведение, хотя и отличается от материнского, выглядит более мягким.

Однако в этом вопросе кросскультурная статистика особенно формальна и ненадежна. Поэтому содержательное обсуждение отцовской роли лучше начать с современного общества.

Мысль о слабости и неадекватности «современных отцов» — один из самых распространенных транскультурных стереотипов общественного сознания второй половины XX в.

Представления о положении и функциях отца в сегодняшней советской массовой и профессиональной литературе в ряде случаев совпадают с представлениями, господствующими в США. В обеих странах ученые и публицисты констатируют рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье; незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими; педагогическую некомпетентность, неумелость отцов; их незаинтересованность и неспособность осуществлять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми.

Сходные тенденции отмечают многие западноевропейские и японские авторы. Однако если одни ученые полагают, что происходит быстрое, неуклонное и чреватое опасными последствиями ослабление отцовского начала, т. е. налицо некая историческая тенденция, то другие склонны думать, что отцы никогда не играли важной роли в воспитании детей, а сегодняшние тревоги отражают только сдвиги в акцентах и стереотипах массового сознания.

Чтобы корректно поставить эти вопросы, их нужно предварительно дифференцировать:

1. Чем отличается «современное» положение и поведение отцов от «традиционного»?
2. Чем отличается «современный» стереотип, нормативный канон отцовства от «традиционного»?
3. Какова степень совпадения стереотипа отцовства и реального поведения сегодняшних отцов?
4. Является ли степень совпадения стереотипа и реального поведения отцов «здесь и теперь» такой же, большей или меньшей, чем «там и прежде»?
5. Как связаны эти реальные и воображаемые различия с исторической эволюцией половой стратификации и стереотипов маскулинности и фемининности?
6. Каковы психологические последствия предполагаемых сдвигов в характере отцовства и как они влияют на личность и психологические черты ребенка?

Из всех перечисленных элементов стереотипной модели «ослабления отцовского начала» единственной безусловной и грустной реальностью является рост безотцовщины, связанный в первую очередь с динамикой разводов и увеличением числа одиноких матерей. И абсолютное чис-

ло, и удельный вес детей, воспитывающихся без отцов, в большинстве индустриально развитых стран растет.

Остальные компоненты модели более проблематичны. Верно, что отцы проводят с детьми значительно меньше времени, нежели матери. По данным сравнительного исследования, проведенного в США, ряде стран Западной Европы, Австралии и Израиле, большинство отцов проводит дома с детьми меньше 40 часов в неделю, причем лишь незначительная часть этого времени расходуется непосредственно на уход за детьми и общение с ними²⁶. Но так было почти всегда и везде. По количеству контактов с детьми современные отцы не только не уступают прежним поколениям, но даже превосходят их, особенно в семьях, основанных на принципе равенства полов, где мужчины берут на себя домашние обязанности, которые раньше считались исключительно женскими. Например, обследование 231 канадской семьи показало, что при выравненных социальных факторах, таких, как количество внерабочего времени, отцы проводят с детьми столько же времени, сколько и матери²⁷.

Почему же людям кажется, что отцовский вклад в воспитание детей снижается? Помимо других причин тут сказывается ломка традиционной системы половой стратификации. Если пренебречь частными межкультурными различиями, то в традиционной патриархальной семье отец выступает как а) кормилец, б) персонификация власти и высший дисциплинатор и в) пример для подражания, а нередко и непосредственный наставник детей во внесемейной, общественно-трудовой деятельности. В старой крестьянской семье отец не ухаживал за детьми, но много работал вместе с сыновьями. В современной городской семье эти традиционные ценности отцовства заметно ослабевают под давлением таких факторов, как женское равноправие, профессиональная занятость женщин, тесный семейный быт, где для отца не предусмотрено piedestала, и особенно — пространственная разобщенность труда и быта. Сила отцовского влияния в прошлом коренилась прежде всего в том, что он был воплощением власти и инструментальной эффективности. По мере того, как «невидимый родитель» (как часто называли отца) становится видимым и более демократичным, он все чаще подвергается критике со стороны жены, а его авторитет, основанный на внесемейных факторах, заметно снижается.

Эта тенденция ощущается не только в Европе и США, но и в Японии²⁸. Традиционная японская семья, основанная на принципах конфуцианства, была последовательно патриархальной и авторитарной. В последние годы японские этнографы, социологи и психологи (Тие Накане, Такео Дои, Сигеру Мацумото, Кацуо Аои, Хироси Вагацума и др.) единодушно отмечают падение отцовского авторитета и рост материнского влияния.

Но, как и в Европе, японские эмпирические данные выглядят неоднозначно. Прежде всего налицо заметное ослабление поляризации мужских и женских, отцовских и материнских ролей и образов. Ослабела и мужская гегемония в семье, особенно городской. Наблюдается типичное и для Европы расхождение нормативных ролевых ожиданий и реального поведения. По данным опроса молодежи от 15 до 23 лет (октябрь 1980 г.), с матерью свои дела обсуждают 85,9%, а с отцом — только 57,7% опрошенных; 34,7% опрошенных вообще не советуются и не делятся своими проблемами с отцами, хотя отцы у них есть²⁹.

Традиционный образ грозного отца, которого старая японская поговорка уподобляла землетрясению, грому и молнии, явно не соответ-

²⁶ См. *Russell G., Radin N.* Increased Parental Participation; The Fathers' Perspective//Fatherhood and Family Policy. P. 139—165.

²⁷ См. *Bouth A., Edwards J. W.* Fathers: The Invisible Parent//Sex Roles. 1980. V. 6. № 3. P. 445—456.

²⁸ См. *Wagatsuma H.* Some Aspects of the Contemporary Japanese Family: Once Confucian, Now Fatherless?//Daedalus. 1977. V. 106. № 2. P. 181—210.

²⁹ *Латышев И. А.* Семейная жизнь японцев. М., 1985. С. 136.

ует современным условиям. Однако японские ученые отмечают, что изменения касаются скорее культурных образов и установок, нежели психологических черт японских мужчин. Как пишет Тие Накане, традиционный отцовский авторитет поддерживался не столько личными качествами отца, сколько его социальным положением главы семьи; фактическое же распределение семейных ролей всегда было более или менее индивидуальным и изменчивым. Сегодняшняя культура скорее признает и закрепляет этот факт, видоизменяя традиционные социальные стереотипы, чем создает нечто новое³⁰. К тому же сравнительная холодность и наличие социальной дистанции во взаимоотношениях ребенка и отца, часто воспринимаемые как свидетельство снижения отцовского авторитета, являются скорее пережитками нравов традиционной патриархальной семьи, когда к отцу не смели приблизиться и сам он был обязан держаться «на высоте».

Ослабление и даже полная утрата мужской власти в семье отражаются в стереотипном образе отцовской некомпетентности. Американские исследователи Р. Дэй и У. Маккей проанализировали под этим углом зрения 218 карикатур, опубликованных в 1922—1968 гг. в журнале *Saturday Evening Post* и изображающих взрослых с детьми. Оказалось, что мужчины изображаются некомпетентными в 78,6% и компетентными — в 21,4% карикатур; а женщины — соответственно в 33,8 и 66,2%³¹. Подобный стереотип так же не способствует поддержанию отцовского авторитета, как и повседневная женская воркотня в присутствии детей. Но при этом мужчина оценивается по традиционно женским критериям — речь идет о деятельности, которой отцы никогда раньше всерьез не занимались и к которой они социально и психологически плохо подготовлены. Правомерна ли такая оценка?

Это подводит нас к самому сложному вопросу теории родительства: насколько вообще заменяемы и обратимы отцовские и материнские роли?

Наблюдения за поведением родителей по отношению к новорожденным в естественной среде показывают, что, хотя психофизиологические реакции мужчин и женщин на младенцев весьма сходны, их поведенческие реакции различны: женщина тянется к ребенку, стремится приласкать его, тогда как мужчина отстраняется и часто испытывает при тесном контакте с младенцем эмоциональный дискомфорт. Интересные кросскультурные результаты получены в ходе наблюдений за взаимодействием матерей и отцов с грудными детьми. Мать, даже играя с ребенком, старается прежде всего успокоить, унять его; материнская игра — своего рода продолжение и форма ухода за ребенком. Напротив, отец (и вообще мужчина) предпочитает силовые игры и действия, развивающие собственную активность ребенка³².

Однако подобно другим аспектам полоролевой дифференциации родительское поведение даже у высших животных чрезвычайно пластично. Самцы макаки-резуса в естественных условиях равнодушны к своим детенышам. Но в лабораторных условиях, при отсутствии самок, они вполне «по-матерински» реагируют на плач младенцев и нежно заботятся о них. Та же картина наблюдалась в естественной среде у павианов: если мать по каким-то причинам не выполняет своих обязанностей, ее функции берет на себя взрослый самец.

Родительские реакции человека являются преимущественно результатом научения. Как правило, отцы не осуществляют непосредственного

³⁰ См. *Wagatsuma H.* Op. cit. P. 199.

³¹ См. *Mackey W. C.* *A Cross-Cultural Perspective on Perceptions of Paternalistic Deficiencies in the United States: The Myth of the Derelict Daddy//Sex Roles.* 1985. V. 12. № 5/6. P. 513.

³² См. обзорные работы: *Lamb M. E., Hwang C. P.* *Maternal Attachment and Mother-Neonate Bonding. A Critical Review//Advances in Developmental Psychology.* /Ed. Lamb M. E., Brown A. R. V. 2. Hillsdale, 1982. P. 1—38; *Lamb M. E.* *The Father-Child Relationship: A Synthesis of Biological, Evolutionary and Social Perspectives//Parenting: Its Causes and Consequences.* P. 55—73; *The Father-Infant Relationship*/Ed. Pedersen F. A. N. Y., 1980.

ухода за поворожденными; более или менее активный контакт отца с ребенком в большинстве обществ начинается не ранее чем ребенку исполняется 1,5—2 года, чаще — около 6—7 лет³³. С рождением ребенка у современного мужчины появляется много неприятностей (дополнительные материальные заботы, бытовые обязанности вроде стирки пеленок, уменьшение внимания со стороны жены, нарушение сна и т. п.) и почти никаких удовольствий. Между тем экспериментально доказано, что психологически подготовленные отцы охотно любят новорожденных, испытывают физическое удовольствие от прикосновения к ним (правда, они предпочитают делать это в отсутствие матери, так как боятся проявить неуклюжесть и стесняются собственной нежности) и практически не уступают женщинам в искусстве ухода за ребенком. Физический контакт с малышом способствует и возникновению эмоциональной привязанности к нему. Предполагается, что чем раньше отец приобщается к уходу за младенцем и чем увлеченнее он это делает, тем сильнее становится его родительская любовь. Важна не только привычка, но и ответный эмоциональный отклик ребенка, к которому мужчины весьма чувствительны. Во многих зарубежных родильных домах отцы даже присутствуют при родах.

Что же касается более старших детей, то привычные стереотипы сильно преувеличивают степень мужского «отчуждения» от них. Основанные на данных непосредственного наблюдения исследования У. Маккея и др.³⁴, проследивших пространственное взаимодействие взрослых мужчин и женщин с детьми в 18 разных культурных средах, показало, что мужчины реже женщин бывают с детьми в общественных местах, но если подобная ситуация имеет место, то ее основные формальные параметры, например тактильный и визуальный контакт между взрослым и ребенком, у мужчин и женщин большей частью совпадают. Разумеется, краткосрочное наблюдение случайных взаимодействий не позволяет делать широких обобщений и не опровергает ни историко-этнографических данных о нормах избегания между отцами и детьми, ни психологических данных о специфических трудностях мужского стиля обучения. Тем не менее несогласованность стереотипа и реального поведения — факт существенный, тем более, что он наблюдается не только в данной сфере.

Традиционное жесткое разделение отцовских и материнских функций, как и других половых ролей, не является единственно возможным, абсолютным биологическим императивом.

То, что мать может успешно вырастить и воспитать ребенка без отца, известно давно. Но и отец может заменить мать. В СССР такие случаи редки, так как при разводе консервативно настроенные судьи, даже вопреки букве закона, требующего руководствоваться прежде всего интересами ребенка, как правило, отдают детей на попечение матери (о несправедливости такого подхода не раз писалось в печати). Однако существует и опыт «одиноких отцов». В Англии, по подсчетам Т. Хипгрейва³⁵, отцы составляют 12% всех одиноких родителей. Изучение специфики стиля жизни семей с одним родителем — одна из важнейших задач сегодняшней социологии семьи.

Оценивая потенциал возможности и реальную степень родительского влияния на детей, нужно учитывать множество автономных факторов:

1. Возраст ребенка. В раннем детстве ключевая фигура, как правило, мать. Затем ее дополняет и иногда перевешивает ее влияние отец. Позже их обоих «теснят» сверстники и общественные институты социализации.

³³ Историко-этнографические данные см.: Zur Sozialgeschichte der Kindheit. S. 19—23; Этнография детства. М., 1983.

³⁴ См. Mackey W. С. Op. cit.

³⁵ См. Hipgrave I. Child Rearing by Lone Fathers//Changing Patterns of Child-bearing and Child Rearing. L., 1981. P. 149—166; cp.: Nontraditional Families: Parenting and Child Development/Ed. Lamb M. E. Hillsdale, 1982.

2. Пол ребенка. Известно, что мать и отец по-разному и с разным успехом воспитывают детей своего и противоположного пола, причем для мальчиков внесемейное окружение всегда важнее, чем для девочек.

3. Наличие других агентов социализации как внутри семьи, так и вне ее.

4. Специфические особенности межпоколенной трансмиссии культуры в данном обществе в данный исторический период, например насколько велики различия в условиях жизни и ценностных ориентациях поколения родителей и поколения детей.

5. Амбивалентность самих родительских чувств и отношения к детям. Сложившийся во второй половине XVIII в. детоцентризм общественной психологии означал усиление внимания к детям и заботы о них, но одновременно — ограничение их внутренней свободы, принудительную инфантилизацию, следствием чего явились пассивность и социальная безответственность, на которые горько жалуются современные родители, не понимая связи этих явлений с их, родителей, собственной воспитательной практикой.

6. Многочисленные и плохо изученные компенсаторные механизмы самой социализации, уравнивающие или сводящие на нет многие воспитательные усилия, например эффект встречной ролевой дополнителности, когда ребенок имеет перед глазами хороший родительский пример, но не вырабатывает у себя соответствующих навыков, так как семья в них не нуждается — родители все делают сами.

Проблемы эти весьма сложны и часто интерпретируются прямо противоположным образом, особенно на уровне глобальных теорий. С точки зрения психоанализа, ослабление отцовской власти в семье — величайшая социальная катастрофа, поскольку вместе с отцовством оказались подорванными все внешние и внутренние структуры власти, дисциплина, самообладание и стремление к совершенству. «Общество без отцов» означает демаскулинизацию мужчин, социальную анархию, пассивную вседозволенность и т. п.³⁶ С феминистской точки зрения, напротив, мы присутствуем при утверждении социального равенства полов, ослаблении агрессивных импульсов и общей гуманизации межличностных отношений. Глобальные теории, плодотворные для первоначальной, заостренной постановки вопросов, как правило, непригодны для их разрешения: из-за своей односторонности слишком многое оставляют вне поля зрения.

Провозглашенная XXVII съездом партии социальная политика, направленная на укрепление семьи, невозможна без правильного понимания и совершенствования отцовских и материнских функций. В данной статье только обозначены некоторые связанные с ними проблемы, в междисциплинарном изучении которых этнографии принадлежит одна из главных ролей.

³⁶ См., например, *Mitscherlich A. Society without the Father. A Contribution to Social Psychology.* N. Y., 1970.

Р. Я. Денисова

ПОПУЛЯЦИОННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТНОГЕНЕЗА

Этногенез в самой общей форме следует понимать как историю формирования этноса. С антропологической точки зрения этногенез традиционно рассматривается как история формирования антропологического состава изучаемого этноса. Раскрытие этого процесса требует значительной глубины ретроспективного анализа. Первоисточником в